

РЕВИЗИИ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Всякое общественное дѣло требуетъ контроля, который устранялъ бы возможныя злоупотребленія и недостатки и указывалъ путь къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ. Въ духовно-учебномъ дѣлѣ роль такого контроля исполняютъ особые ревизоры, посылаемые Центральнымъ духовно - учебнымъ Управленіемъ. Ревизоровъ этихъ всего только три, а духовно-учебныхъ заведеній, подлежащихъ ревизіи, около 300; при томъ заведенія эти разсѣяны по всему обширному пространству Россійской Имперіи. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ ревизоры не могутъ часто посѣщать духовно-учебныя заведенія, и нѣкоторыя изъ нихъ по десятку лѣтъ и болѣе остаются свободными отъ всякихъ ревизій. Такое явленіе, конечно, не можетъ быть признано нормальнымъ, но едва ли нормальными слѣдуетъ признать и тѣ ревизіи, которымъ время отъ времени подвергаются наши духовно-учебныя заведенія.

Ревизіи исходятъ отъ Центрального духовно - учебнаго Управленія. Духовныя школы созданы также Центральнымъ Управленіемъ, которое выработало для нихъ уставы и программы, указало учебники, опредѣлило весь строй учебно-воспитательной жизни, назначило преподавателей. Поэтому главная отвѣтственность за современное состояніе духовныхъ школъ падаетъ на Центральное Управленіе. Между тѣмъ послѣднее, назначая ревизоровъ, имѣетъ въ виду не ревизію своей дѣятельности по управленію духовными школами, а только контроль надъ тѣми лицами, которые призваны быть исполнителями духовно-педагогическихъ предписаній центрального начальства. Поэтому ревизія вовсе не

касается самыхъ основъ духовной школы, выработанныхъ Центральнымъ Управленіемъ, и вообще тѣхъ распоряженій послѣдняго, которыми нормируется жизнь этихъ школъ. Отсюда нынѣшнія ревизіи, по самому источнику своего происхожденія, страдаютъ существенной неполнотой, лишены необходимой свободы, независимости и безпристрастія; онѣ направляются болѣе къ поддержанію status quo духовныхъ школъ и потому уже не могутъ быть орудіемъ прогресса, а тѣмъ болѣе коренной реформы этихъ школъ.

Ревизіи пытаются обнять всѣ стороны духовной школы— учебную, воспитательную, экономическую. Но посмотримъ ближе, что приносятъ въ дѣйствительности эти попытки.— Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, исключая академій, преподается до 30 разнообразныхъ наукъ—богословскихъ, филозофскихъ, словесныхъ, историческихъ, математическихъ, филологическихъ. Основательно знать всю эту массу наукъ и быть знакомымъ съ методикой ихъ преподаванія конечно не по силамъ одному человѣку. А потому казалось бы страннымъ возлагать на одно лицо ревизію преподаванія столь многочисленныхъ и разнообразныхъ предметовъ. Между тѣмъ такая именно обязанность возлагается на духовныхъ ревизоровъ. При ревизіи семинаріи или училища они обязаны побывать на урокахъ каждаго преподавателя, о каждомъ дать свой отзывъ, у каждаго отмѣтить имѣющіеся недостатки преподаванія и затѣмъ въ случаѣ нужды дать руководственныя дидактическія указанія. Такая сложная и тяжелая обязанность ставитъ нашихъ ревизоровъ въ крайне ненормальное и затруднительное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, ревизоры обычно стоятъ не выше преподавателей какъ по спеціальнымъ знаніямъ, такъ и по педагогическому опыту, а нерѣдко даже уступаютъ имъ въ томъ и другомъ отношеніи. Мало того, по нѣкоторымъ предметамъ (напр. математическимъ) познанія самихъ ревизоровъ немного превышаютъ даже надъ ученическими. Какая же ревизія можетъ быть при такихъ условіяхъ? Она по необходимости является поверхностной, внѣшней, направленной лишь на такія стороны преподаванія, которыя очевидны любому дилетанту. И вотъ ревизія отмѣчаетъ, напр., что преподаватель является на уроки минутъ 10—15 и болѣе спустя послѣ звонка, или даже совсѣмъ опускаетъ уроки, что у него

рѣчь тихая и невнятная, что онъ слишкомъ строгъ въ оцѣнкѣ ученическихъ познаній или наоборотъ очень снисходителенъ, что при спрашиваніи уроковъ онъ слишкомъ долго останавливается на одномъ ученикѣ, не обращая вниманія на другихъ, что онъ увлекается лекціоннымъ способомъ преподаванія, непригоднымъ въ средней школѣ, что самое преподаваніе его не отличается оживленностью или страдаетъ теоретичностью, и т. п. Далѣе указанія подобнаго рода недостатковъ, которые въ большинствѣ сознаются навѣрно и самимъ преподавателемъ, ревизія не идетъ и такимъ образомъ совсѣмъ не касается научной стороны преподаваемыхъ предметовъ, ихъ частной методики, дѣйствующихъ программъ, учебниковъ, ученой компетенціи преподавателей. Каково современное состояніе данной науки, преподаваемой въ семинаріи или училищѣ, слѣдить ли за нимъ преподаватель, соотвѣтствуютъ ли этому состоянію принятый учебникъ и программа, примѣнимъ ли къ пониманію учениковъ учебникъ и не превышаетъ ли ихъ силъ программа, знакомъ ли преподаватель съ лучшими методами своего предмета, какія онъ встрѣчаетъ недоумѣнія и затрудненія въ своей педагогической дѣятельности и какъ ихъ разрѣшить,—все это такая область, куда обычно не проникаютъ и не могутъ проникнуть наши ревизоры по недостатку специальныхъ научно-педагогическихъ знаній. Вслѣдствіе этого настоящія учебныя ревизіи являются въ сущности безплодными, онѣ вовсе не имѣютъ руководственного значенія для учебнаго дѣла и самимъ преподавателямъ не приносятъ почти никакой пользы. Ревизоры—не руководители и наставники учителей, а только посторонніе наблюдатели и, что особенно худо, наблюдатели опасные. Основываясь на своихъ внѣшнихъ наблюденіяхъ и довѣряясь непровереннымъ слухамъ и даже сплетнямъ, ревизоръ постоянно рискуетъ впасть въ ошибку. Напр., побывавъ 1—2 раза на урокахъ какого либо преподавателя и замѣтивъ плохіе отвѣты учениковъ, ревизоръ дѣлаетъ отсюда заключеніе о неудовлетворительности преподаванія. Слабые отвѣты, быть можетъ, даны случайно спрошенными худшими учениками, обусловлены трудностью изучаемаго отдѣла или отчасти объясняются робостью учениковъ въ присутствіи столичныхъ ревизоровъ, которые своею внѣшностью (въ бѣлыхъ перчаткахъ и галстухѣ, съ

цилиндромъ въ рукѣ) дѣйствительно вызываютъ невольный трепеть въ провинціальныхъ ученикахъ и особенно ученицахъ. Но ревизору нѣтъ возможности при быстротѣ производства ревизіи доискиваться всѣхъ этихъ причинъ. Предъ нимъ фактъ малоуспѣшности, онъ хватается за этотъ голый фактъ, чтобы имѣть возможность хотя что нибудь сказать о преподавателѣ. Когда же и этого факта нѣтъ, ревизоръ обращается къ балловымъ вѣдомостямъ и по количеству неудовлетворительныхъ балловъ судить объ успѣшности преподаванія, дѣлая при этомъ для наглядности даже статистическія выкладки, но мало интересуясь тѣмъ, не служить ли обиліе худыхъ балловъ у какого либо преподавателя только показателемъ особой его требовательности по отношенію къ ученикамъ. Помимо своихъ личныхъ наблюденій ревизоры не брезгаютъ и разными слухами, благодаря которымъ они проникаютъ во внутреннюю, интимную жизнь преподавателя и вообще въ такія стороны его личности, которыя нельзя усмотрѣть на урокахъ. Слухи могутъ быть клеветой, исходить отъ незаслуживающихъ довѣрія лицъ, но ревизору нѣтъ ни времени, ни силъ разобраться въ ихъ достовѣрности. Онъ слагаетъ ихъ въ общую массу разнообразнаго матеріала, изъ котораго потомъ строитъ свой отзывъ о преподавателѣ. Но какъ бы ни былъ безоснователенъ, какъ бы ни расходился съ дѣйствительностью этотъ отзывъ, онъ не остается одинокимъ, онъ влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія въ видѣ замѣчаній, служебныхъ перемѣненій и даже увольненій. Вотъ почему преподаватель боится современной ревизіи и на самого ревизора смотритъ лишь съ чувствомъ страха какъ на грозу, которая тѣмъ и опасна, что, не освѣжая школьной атмосферы, приноситъ лишь градъ репрессій. Преподаватель старается обезопасить себя отъ этой грозы и пускается на всякія хитрости: то баллы ученическіе переправляетъ на лучшіе, то ко времени присутствія ревизора обращается къ повторенію пройденнаго или нарочно подготавливаетъ учениковъ къ наиболѣе эффектнымъ отвѣтамъ. Уловки эти иногда достигаютъ своей цѣли, создавая иллюзію успѣшности преподаванія, и ревизоръ уѣзжаетъ подъ впечатлѣніемъ этой иллюзіи.

Не менѣе ненормально происходитъ и ревизія воспитательной части.—Воспитаніе заключаетъ въ себѣ двѣ сто-

роны—внѣшній надзоръ за учениками и внутреннее воздѣйствіе на ихъ личность. Внѣшній надзоръ предполагаетъ правила, опредѣляющія порядокъ ученической жизни, устанавливающія такъ называемую школьную дисциплину. Существо его составляютъ наблюденіе за исполненіемъ учениками школьныхъ правилъ, замѣчаніе провинившихся учениковъ и налагаемая на нихъ дисциплинарныя взысканія. Достоинство надзора опредѣляется его постоянствомъ, бдительностью, послѣдовательною строгостью. Хорошъ тотъ надзоръ, который никогда не оставляетъ ученика безъ наблюденія, замѣчаетъ всѣ его шалости и ни одну изъ нихъ не оставляетъ безъ соответствующаго взысканія. Совсѣмъ иными чертами опредѣляется воспитаніе какъ внутреннее воздѣйствіе на личность ученика. Здѣсь нѣтъ внѣшнихъ, опредѣленныхъ правилъ ни для ученика, ни для педагога, нѣтъ и тѣхъ внѣшнихъ отношеній между ними, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ этихъ правилъ. Здѣсь главное—самъ воспитатель, складъ его воззрѣній, нравственный обликъ, его внутренній міръ. Отсюда отношенія воспитателя къ питомцамъ самаго интимнаго свойства, отношенія родственной связи; постороннему мимолетному наблюдателю ихъ пожалуй трудно даже и уловить. Основная черта ихъ—любовь, которая влечетъ воспитателя къ воспитанникамъ и благодаря которой внутреннее духовное богатство перваго, такъ сказать, переливается въ воспріимчивыя ко всему доброму, честныя юношескія головы. Въ отвѣтъ на это сами воспитанники проникаются довѣріемъ, преданностью, любовью къ воспитателю и подъ его воздѣйствіемъ перерождаются, развиваются, совершенствуются. Внутреннее воспитаніе есть самая главная, существенная часть воспитанія вообще. Внѣшній надзоръ также приноситъ свою долю пользы дѣлу воспитанія, но одинъ онъ, не сопровождаемый внутреннимъ педагогическимъ воздѣйствіемъ, въ лучшемъ случаѣ можетъ лишь выдрессировать учениковъ, обычно же возбуждаетъ у нихъ ропотъ, недовольство, раздраженіе и въ сущности не оказываетъ никакого облагораживающаго воспитательнаго вліянія.

Поэтому ревизія воспитательной части должна ясно прослѣдить обѣ стороны воспитанія, и только тогда она будетъ въ состояніи оцѣнить какъ педагоговъ, такъ и практикуемую

ими педагогическую систему. Между тѣмъ при внезапности, кратковременности и быстротѣ производства внѣшнихъ ревизій вниманіе ревизора неизбѣжно обращается лишь на внѣшнюю сторону воспитанія. Ревизоръ слѣдитъ по документальнымъ записямъ и по личнымъ наблюденіямъ, насколько усердны члены инспекціи въ наблюденіи за учениками, какіе были замѣчены ими проступки учениковъ, какія мѣры наказанія были при этомъ употреблены, какими баллами отмѣчено поведеніе учениковъ и пр. На основаніи только этихъ внѣшнихъ данныхъ ревизоры составляютъ сужденіе о положеніи воспитательнаго дѣла въ учебномъ заведеніи и о достоинствѣ самихъ педагоговъ. Неудивительно, что сужденія эти часто не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, грѣшатъ односторонностью и приводятъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ. Напр., педагогъ можетъ пользоваться большимъ авторитетомъ среди учениковъ, импонировать имъ своею ученостью, благородствомъ своихъ убѣжденій, своимъ тактомъ, пробуждать въ нихъ возвышенныя, идеальныя стремленія, но онъ чуждъ той подозрительности и недоувѣрія къ ученикамъ, которыя лежатъ въ основѣ постояннаго инспекторскаго выслѣживанія ихъ, того формально-юридическаго взгляда на ученическіе проступки, который требуетъ не оставлять ни одного изъ нихъ безъ соотвѣтствующаго наказанія. И ревизоръ, слѣдящій лишь за внѣшнею стороною воспитанія, всегда можетъ сдѣлать замѣчаніе такому полезному и гуманному педагогу за его яко бы недостаточно бдительный надзоръ за учениками, или за излишнее послабленіе ихъ проступкамъ. Наоборотъ, иной педагогъ бываетъ въ высшей степени аккуратенъ съ внѣшней стороны, онъ зорко слѣдитъ за учениками, хорошо знаетъ всѣ ихъ продѣлки, неумолимо строгъ и послѣдователенъ въ дисциплинарныхъ взысканіяхъ; но у него нѣтъ любви къ питомцамъ, онъ пусть душою, вся цѣль его трудовъ—только внѣшняя выправка учениковъ, наружный покой школьной жизни. На учениковъ, которые обычно бываютъ наиболѣе чутки къ нравственнымъ мотивамъ своихъ воспитателей, такой формальный и безыдейный педагогъ не имѣетъ никакого воспитывающаго вліянія; онъ можетъ быть не только не уважаемъ, но прямо ненавидимъ воспитанниками, которые и выражаютъ свои чувства въ открытыхъ протестахъ. Но вотъ

прѣзжаетъ ревизоръ; ослѣпленный показною стороною педагогической дѣятельности, онъ совсѣмъ не замѣчаетъ внутренняго ея характера. Въ результатъ педагогъ, ко вреду учебнаго заведенія, не только не получаетъ никакого вознагражденія, но даже удостоивается благодарности послѣ ревизіи. Такія ошибки неизбѣжны при нынѣшнихъ ревизіяхъ, поскольку онѣ сосредоточиваютъ свое вниманіе только на внѣшней сторонѣ воспитанія. Воспитаніе—наиболѣе интимная область школьной жизни, въ нее трудно проникнуть постороннему и кратковременному наблюдателю, какимъ является современный ревизоръ. Притомъ, для оцѣнки педагогической дѣятельности необходимо самому быть педагогомъ, а не чиновникомъ, какимъ бы эффектомъ и помпою ни былъ обставленъ его внезапный и только опасный, но не поучительный наѣздъ. И дѣйствительно, не давая полной, ясной, а главное правдивой картины школьнаго воспитанія, нынѣшнія ревизіи оказываются безплодными для воспитательнаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ такихъ ревизій семинарскія и училищныя правленія получаютъ только предписанія „принять мѣры къ возвышенію воспитательнаго дѣла“, при чемъ главными мѣрами считаются усиленный надзоръ и благоразумная строгость, не допускающая „вреднаго въ педагогическомъ отношеніи послабленія“. Кромѣ того повелѣвается составить инструкціи для лицъ инспекціи, а также правила поведенія для учениковъ. Словомъ, односторонне-внѣшнія ревизіи даютъ и наставленія только для внѣшней стороны воспитанія, которая сама по себѣ не имѣетъ положительнаго значенія. И это теперь, когда нестроеніе проникло во всѣ семинаріи, когда, кажется, пошатнулись самые устои семинарскаго режима и обветшавшей системѣ семинарскаго воспитанія грозитъ полное банкротство. Наши ревизіи оказались неспособными проникнуть въ глубь семинарскаго воспитанія, усмотрѣть основные недостатки этого воспитанія и указать радикальныя мѣры къ ихъ устраненію. Поэтому воспитаніе въ духовныхъ школахъ идетъ совершенно независимо отъ ревизій.

Не болѣе продуктивны и ревизіи экономической части. Часть эта очень важная въ строѣ учебнаго заведенія, такъ какъ она служитъ основою физическаго воспитанія уча-

щихся. Просторное и свѣтлое зданіе, питательный и вкусный столъ, чистое бѣлье, гигиеническая обстановка,—все это необходимыя условія для здоровья учениковъ-интерновъ. При отсутствіи ихъ совершенно немислимо правильное физическое воспитаніе и здоровью учениковъ грозитъ явная опасность со всѣми ея отрицательными послѣдствіями и для учебнаго дѣла. Поэтому благоустройство учебнаго заведенія зависитъ не отъ того только, какъ въ немъ учатъ и воспитываютъ, но и отъ того еще, какъ ведется въ немъ хозяйственная часть. Для образцоваго хозяйства прежде всего необходимы, конечно, деньги, но не менѣе важно также честное и умѣлое веденіе его. Въ нечестныхъ рукахъ хозяйство неминуемо придетъ къ разстройству; не можетъ быть порядка и въ томъ случаѣ, когда за него берутся люди неопытные, непредусмотрительные, неразсчетливые, которые неизбѣжно станутъ жертвою обмана окружающихъ ловкихъ людей. Поэтому ревизія должна путемъ внимательнаго, подробнаго, документальнаго обслѣдованія выяснить, какъ идетъ хозяйственная жизнь учебнаго заведенія и отсюда, что за люди стоять во главѣ этой жизни. На это потребуется, конечно, много времени и кропотливаго труда, и во всякомъ случаѣ было бы непростительнымъ самообманомъ думать, что такое обслѣдованіе можетъ произвести столичный чиновникъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Эта быстрота и кратковременность казенныхъ ревизій и производитъ въ дѣйствительности то, что экономическая, особенно сложная и трудная, часть ревизуется нынѣ довольно поверхностно. Ревизоръ бѣгло осмотритъ школьное зданіе, побываетъ въ ученическихъ спальняхъ, попробуетъ столъ для воспитанниковъ, заглянетъ въ экономическіе журналы и въ разныя хозяйственныя записи. А догадливое начальство постаралось уже ко времени пріѣзда ревизора пообчиститься, пообновить, что нужно. И вотъ на долю ревизора остается развѣ въ спальняхъ клопъ, въ ватерклозетахъ дурной запахъ, въ столовыхъ недостатокъ вилокъ или салфетокъ; но зато всѣ суммы, по освидѣтельствованіи, въ цѣлости и согласны съ книгами, а въ книгахъ этихъ никакихъ неправильностей ревизоромъ, конечно, не усмотрѣно. Въ результатъ получается блѣдная картина школьнаго хозяйства, изъ которой не ясно видно, какъ живетъ воспитанникамъ и довольны

ли они своимъ содержаніемъ и совсѣмъ незамѣтны самый механизмъ этого хозяйства и главные двигатели его. И только въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда недочеты или хищенія въ школьномъ хозяйствѣ стали слишкомъ явны и сдѣлались достояніемъ мѣстнаго общества, ревизору приходится болѣе внимательно отнестись къ ревизіи экономической части и представить болѣе подробное и правдивое изображеніе ея. Но и въ этихъ случаяхъ ревизоръ не открываетъ Америки, а подтверждаетъ лишь документальными данными то, что давно всѣмъ извѣстно на мѣстѣ и невѣдомо только отдаленной центральной власти. Не сообщая въ сущности ничего новаго и, главное, не раскрывая всѣхъ подробностей экономической жизни, современные ревизіи мало пользы приносятъ нашимъ духовнымъ школамъ. Въ нихъ по-прежнему царить грязь, воспитанники питаются скудно, все хозяйство ведется неумѣло, лицами прямо не призванными къ экономической дѣятельности (монахами), а иногда и сомнительной честности (экономами).

Нынѣшнія ревизіи—плодъ бюрократическаго строя въ управленіи духовными школами и могутъ имѣть оправданіе только при этомъ строѣ, создавая иллюзію бюрократическаго всевѣдѣнія, лежащаго въ основѣ бюрократическаго всевластія. Но для духовныхъ школъ, для ихъ процвѣтанія и прогресса, онѣ, какъ мы видѣли, мало полезны. Поэтому во имя интересовъ духовныхъ школъ настоящій институтъ казенныхъ ревизоровъ долженъ быть преобразованъ. Это преобразование, по нашему мнѣнію, должно начаться съ расчлененія компетенціи ревизоровъ, такъ какъ совершенно невыполнимо выполненіе ими той сложной задачи, которая теперь возлагается на ревизоровъ. Такъ ревизію учебной части цѣлесообразнѣе было бы выдѣлить изъ остальной области ревизорскаго вѣдѣнія и предоставить ее людямъ науки и школьной практики, но никакъ не чиновникамъ. Давно пора отрѣшиться отъ ревизорскаго диллентантизма и не поручать одному лицу ревизію множества научныхъ предметовъ. Всего естественнѣе установить такой порядокъ, чтобы специалистъ въ извѣстной научной области производилъ ревизію учебнаго предмета только данной области. Такіе

спеціалисты у насъ есть; это профессеры духовныхъ академій. Имъ то и нужно поручить наблюденіе за положеніемъ учебнаго дѣла въ семинаріяхъ. Для этого каждая академія вѣдаетъ семинаріи только своего округа и изъ числа своихъ профессоровъ выбираетъ до 10 ревизоровъ спеціалистовъ (нѣкоторые семинарскіе предметы, напр. философскіе, безъ ущерба для дѣла допускаютъ одного ревизора). Такіе профессеры ревизоры, конечно, не обязаны трудиться бесплатно. Но для необходимаго вознагражденія ихъ едва ли могутъ встрѣтиться серьезныя затрудненія по уничтоженіи института нынѣшнихъ казенныхъ ревизоровъ. По штату Учебнаго Комитета (И. С. З. 1867 г. № 44570, 1871 г. № 49657 и 1876 г. № 55535) полагается пять ревизоровъ съ трехтысячнымъ годовымъ окладомъ для каждаго. Нынѣ ревизорами состоятъ фактически три лица, которыя помимо жалованья получаютъ генеральскіе прогоны, исчисляющіеся тысячами, да казенныя квартиры, стоящія при переводѣ на деньги также нѣсколькихъ тысячъ. Соединяя все это вмѣстѣ, мы получимъ довольно солидную сумму, около 25 тысячъ рублей въ годъ. Вотъ эту сумму и слѣдуетъ употребить на вознагражденіе новыхъ ревизоровъ изъ числа профессоровъ. Если положить, что каждая академія будетъ выбирать до 10 ревизоровъ, то всѣхъ ревизоровъ - профессоровъ окажется 40; тогда не испрашивая новыхъ ассигнованій изъ казны, можно будетъ назначить каждому ревизору до 600 рублей годоваго вознагражденія.

Академіи, какъ мы сказали, ревизуютъ только семинаріи: возлагать на нихъ еще ревизію духовныхъ училищъ неудобно, такъ какъ это отвлекало бы профессоровъ отъ ихъ прямого долга. Поэтому для духовныхъ училищъ (если только они будутъ сохранены послѣ предстоящей реформы духовныхъ школъ) необходимо имѣть особыхъ ревизоровъ. Въ виду тѣсной связи училищъ съ семинаріями такими ревизорами могли бы быть наиболѣе заслуженные преподаватели семинаріи, сообразно ихъ специальности; въ крайнемъ же случаѣ можно было бы назначить ревизоровъ и изъ преподавателей другихъ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. При этомъ всего удобнѣе было бы, согласно съ дѣйствующимъ училищнымъ уставомъ (§ 29), представить семинарскимъ преподавателямъ ревизію училищъ только своей епархіи; при не-

большомъ же числѣ духовныхъ училищъ въ епархіи (1—2), въ случаѣ необходимости, можно бы соединять двѣ сосѣднія епархіи для совмѣстнаго обревизованія училищъ этихъ епархій преподавателями одной семинаріи.

Семинаріи выбираютъ изъ своихъ преподавателей 5 — 6 ревизоровъ для духовныхъ училищъ примѣнительно къ числу преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ. Определенное вознагражденіе для такихъ ревизоровъ установить трудно, при неодинаковомъ количествѣ духовныхъ училищъ въ епархіяхъ и при разнообразіи ихъ разстоянія отъ семинаріи. Поэтому размѣръ добавочнаго вознагражденія училищнымъ ревизорамъ можно бы опредѣлить сообразно числу духовныхъ училищъ въ епархіи, полагая извѣстную сумму на каждое училище. Отсюда размѣръ этотъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ увеличенія числа подлежащихъ ревизіи училищъ. Потребныя для этого средства, если ихъ нельзя будетъ заимствовать изъ казны, придется, конечно, изыскивать изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, подобно тому, какъ и теперь училищныя ревизіи производятся иногда семинарскими преподавателями на счетъ мѣстныхъ средствъ¹⁾.

При замѣнѣ казенныхъ ревизоровъ выборными отъ семинарій и академій самый характеръ учебныхъ ревизій долженъ радикально измѣниться. Прежде всего ревизоры явятся не въ роли грознаго Юпитера, наводящаго лишь страхъ и трепетъ на преподавателей, а въ качествѣ экспертовъ или старшихъ товарищей—руководителей. Задача ихъ не карать преподавателей и рисоваться предъ ними своимъ начальственнымъ величіемъ, а возвышать ихъ педагогическую дѣятельность. Они попрежнему будутъ замѣчать недостатки въ преподаваніи, но это будетъ служить не причиною репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ преподавателямъ, а по-

1) О ревизіяхъ епархіальныхъ женскихъ училищъ мы не упоминаемъ, такъ какъ училища эти по нашему мнѣнію должны быть преобразованы по типу общихъ женскихъ гимназій; вѣдь не нормально же давать дочерямъ духовенства какое-то урѣзанное образованіе съ доминирующимъ аскетически - церковнымъ направленіемъ. Въ случаѣ указаннаго преобразованія епархіальныхъ женскихъ училищъ нѣтъ надобности оставлять ихъ въ вѣдѣніи Центрального духовно-учебнаго Управления и они должны быть подчинены на общихъ основаніяхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія.

водомъ къ дидактическимъ разъясненіямъ и указаніямъ. Ревизоръ долженъ быть не безгласнымъ только наблюдателемъ на урокахъ, а краснорѣчивымъ наставникомъ самихъ преподавателей. Методы обученія, программы, учебники и учебныя пособія, литература данной науки, новыя теченія въ наукѣ и пр.,—все это основные и интересные вопросы для преподавателя и ему было бы весьма полезно познакомиться со взглядами ревизора-спеціалиста по этимъ вопросамъ. Въ настоящее время преподаватель духовной школы одинокъ, у него нѣтъ связи съ своими коллегами по преподаваемому предмету, такъ какъ никакіе сѣзды преподавателей у насъ не допускаются. Это одиночество грозитъ самому преподавателю пониженіемъ научной его компетенціи, а преподаваніе его дѣлаетъ рутиннымъ, шаблоннымъ. И вотъ ревизоръ долженъ нарушить эту вредную изолированность преподавателей, явиться къ нимъ какъ болѣе опытный и свѣдущій сотрудникъ на общемъ педагогическомъ поприщѣ и внести нѣкоторое освѣженіе въ ихъ одинокую, однообразную дѣятельность.

Новые ревизоры несомнѣнно вызовутъ къ себѣ и новыя отношенія преподавателей. Теперь ревизоръ—незванный гость; его встрѣчаютъ съ трепетомъ, а провожаютъ съ радостью, искренне желая, чтобы онъ долѣе не являлся вновь. Такое отношеніе къ казеннымъ ревизорамъ объясняется не только ихъ бесполезностью, а болѣе всего принадлежащей имъ административной силой, способной окончательно сокрушить неприглянувшаго имъ преподавателя. Такой искусственной силы не будетъ у выборныхъ ревизоровъ. Ихъ сила въ знаніи, опытѣ, научно-педагогической компетенціи, и этой именно силой они должны будутъ воздѣйствовать на преподавателей. Правда, и при такомъ воздѣйствіи могутъ оказаться въ большой семьѣ преподавателей исключительныя личности, непригодныя для педагогической дѣятельности по тѣмъ или другимъ причинамъ. Въ такомъ случаѣ ревизоръ, конечно, можетъ представить свое мотивированное мнѣніе объ удаленіи преподавателя тому учрежденію, которое вѣдаетъ назначеніе и увольненіе преподавателей. Но при этомъ мнѣніе ревизора не должно имѣть рѣшающаго значенія. Оно должно быть сначала рассмотрѣно правленіемъ того учебнаго заведенія, гдѣ служитъ данный преподаватель, а

затѣмъ и самымъ преподавателемъ, которому необходимо предоставить право оправдываться отъ взводимыхъ на него ревизоромъ обвиненій. И только послѣ всего этого, если правленіе выскажется также за удаленіе недостойнаго преподавателя и оправданія послѣдняго окажутся недостаточными, Центральное Учрежденіе можетъ сдѣлать постановленіе объ его увольненіи. Такой порядокъ совершенно исключаетъ возможность невинныхъ жертвъ ревизорскаго пристрастнаго суда, самихъ ревизоровъ побуждаетъ быть очень осторожными въ своихъ отрицательныхъ отзывахъ о преподавателяхъ, а послѣднимъ внушаетъ увѣренность въ своемъ положеніи.

Лишеніе ревизоровъ административной карающей силы послужитъ еще большему сближенію ихъ съ преподавателями. Главная преграда между ними—чувство страха—исчезнетъ, и преподаватели могутъ относиться къ ревизорамъ не какъ къ грозному начальству, а какъ къ товарищамъ по профессіи, полезнымъ своими знаніями и педагогическимъ опытомъ. Отсюда связь между ними не ограничится кратковременнымъ ревизорскимъ посѣщеніемъ, какъ обычно бываетъ теперь. Преподаватели будутъ цѣнить ревизора, какъ ученую силу или опытнаго педагога, особенно изъ числа профессоромъ академіи, и въ случаѣ нужды могутъ всегда обращаться къ нему со своими просьбами и недоумѣніями по учебнымъ дѣламъ. Съ своей стороны и ревизоръ будетъ заинтересованъ въ томъ, чтобы объединить корпорацію преподавателей специалистовъ по данной наукѣ не только въ учебныхъ, но и въ ученыхъ цѣляхъ. Это объединеніе, начавшись съ установленія близкихъ и постоянныхъ сношеній ревизора съ преподавателями, получитъ затѣмъ свое завершеніе на преподавательскихъ сѣздахъ, на которыхъ могли бы обсуждаться разные школьные вопросы и предлагаться ревизорами—профессорами лекціи по тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣламъ. Такимъ путемъ вполне можетъ осуществиться истинное назначеніе ревизоровъ—быть наставниками самихъ преподавателей, и тогда ревизіи дѣйствительно станутъ однимъ изъ важныхъ факторовъ прогресса учебнаго дѣла въ духовныхъ школахъ.

Чтобы сдѣлать также производительными и ревизіи воспитательной и экономической сторонъ духовныхъ школъ,

для этого нѣтъ надобности поручать ихъ стороннимъ ревизорамъ. Воспитаніе и школьное хозяйство требуютъ постояннаго и внимательнаго наблюденія, что не можетъ быть выполнено случайными и кратковременными ревизіями казенныхъ ревизоровъ. Между тѣмъ на мѣстахъ всегда имѣются лица, живо заинтересованныя въ воспитаніи и содержаніи духовныхъ школьниковъ, а главное, компетентныя въ разрѣшеніи педагогическихъ и экономическихъ вопросовъ. Лица эти—родители духовныхъ воспитанниковъ. Ихъ то и нужно пригласить къ наблюденію за положеніемъ воспитательнаго и хозяйственнаго дѣла въ духовныхъ школахъ. Въ настоящее время духовенство совершенно устранено отъ вліянія на постановку духовно-школьнаго воспитанія; оно призвано только къ обсужденію экономическихъ нуждъ духовно-учебныхъ заведеній (§ 93 Уст. дух. сем.), точнѣе къ ассигнованію средствъ на удовлетвореніе этихъ нуждъ. Благодаря тому громадная общественная сила является неутраченной въ интересахъ духовной школы. Школа можетъ страдать многими недостатками по воспитательной части или опущеніями экономическими. Всѣ на мѣстѣ это видятъ, но никто не имѣетъ права возвысить свой протестующій голосъ. И если бы, напр., духовенство на епархіальномъ съѣздѣ осмѣлилось поднять вопросъ о дѣйствующемъ полицейско-воспитательномъ режимѣ въ нашихъ семинаріяхъ или войти въ оцѣнку педагогической дѣятельности инспекціи, то это было бы по закону узурпаціей непринлежащихъ духовенству правъ, посягательствомъ на неподлежащую его вѣдѣнію область, и духовенство можетъ подвергнуться за это карѣ со стороны своего епархіальнаго начальства. Духовная школа живетъ своею особою изолированной жизнью; она подчиняется только распоряженіямъ начальства и совсѣмъ не испытываетъ освѣжающаго, благотворнаго вліянія общества. Неудивительно, что духовная школа благодаря такому порядку крайне медленно прогрессируетъ въ воспитательно-экономическомъ отношеніи.

Нормально поставленная школа не можетъ дѣйствовать независимо отъ того общества, дѣтей котораго она воспитываетъ. Они должны жить совмѣстною жизнью, взаимно помогая другъ другу. Въ этой помощи общества заключается залогъ процвѣтанія школы. Вотъ почему духовенство и во-

обще родители духовныхъ воспитанниковъ должны быть призваны къ ближайшему участию въ воспитательно-экономической жизни духовныхъ школъ. Духовенству слѣдуетъ быть не только поставщикомъ денегъ на содержаніе этихъ школъ, а также непосредственнымъ и постояннымъ сотрудникомъ духовныхъ педагоговъ въ устройствѣ школьнаго воспитанія и хозяйства. Организацию этого сотрудничества всего естественнѣе предоставить епархіальнымъ съѣздамъ духовенства. Для этого съѣзды должны быть облечены правомъ контролировать состояніе духовныхъ школъ въ воспитательно-экономическомъ отношеніи, обсуждать ихъ нужды въ этомъ отношеніи и принимать мѣры къ удовлетворенію этихъ нуждъ. Обладая такимъ правомъ, съѣзды могутъ разсматривать годовые отчеты о положеніи духовныхъ школъ и разные доклады, посвященные этимъ школамъ, разбирать жалобы на недостатки школъ и вообще принимать во вниманіе все, что можетъ освѣтить состояніе духовно-учебныхъ заведеній и указать путь къ ихъ усовершенствованію. На основаніи добытаго матеріала съѣзды вырабатываютъ обязательныя постановленія, направленные къ улучшенію воспитательной и экономическихъ частей въ духовныхъ школахъ, они же высказываютъ сужденіе о достоинствѣ педагоговъ и начальниковъ этихъ школъ. Только сужденіе это, въ интересахъ справедливости и безпристрастія, не должно имѣть исключительнаго, рѣшающаго значенія при удаленіи школьныхъ дѣятелей. Въ этомъ случаѣ необходимо держаться того же порядка, какой указанъ выше въ рѣчи объ увольненіи преподавателей по неблагопріятнымъ отзывамъ ревизоровъ.

Епархіальные съѣзды духовенства по необходимости засѣдаютъ не долго и потому не могутъ осуществить постоянного надзора за духовными школами, не могутъ быть увѣрены, что его постановленія и положенія будутъ выполнены. Въ виду этого съѣздамъ должно быть предоставлено также право выбирать особые постоянные комитеты изъ среды духовенства и вообще родителей духовныхъ воспитанниковъ. Комитеты эти явятся продолженіемъ епархіальныхъ съѣздовъ и назначеніе ихъ будетъ состоять въ постоянномъ и непосредственномъ наблюденіи надъ духовными школами. Для этого они участвуютъ во всѣхъ засѣданіяхъ семинар-

скаго и училищнаго правленій, въ которыхъ обсуждаются педагогическія и экономическія дѣла, съ правомъ голоса наравнѣ съ остальными членами правленія; они же составляютъ отчеты о состояніи духовныхъ школъ въ воспитательномъ и экономическомъ отношеніяхъ и вмѣстѣ со своими соображеніями представляютъ на разсмотрѣніе епархіальныхъ сѣздовъ духовенства. Въ настоящее время сѣзды также выбираютъ депутатовъ въ качествѣ членовъ семинарскаго и училищнаго правленій. Но эти члены отъ духовенства избираются въ незначительномъ количествѣ (по два на каждое правленіе), права и обязанности ихъ точно не опредѣлены; отсюда и значеніе ихъ ничтожно. Для избѣжанія подобной же участи и наблюдательныхъ комитетовъ, имѣющихъ замѣнить нынѣшнихъ членовъ правленій отъ духовенства, необходимо увеличить составъ этихъ комитетовъ настолько, чтобы они по числу своихъ членовъ по возможности приближались къ количеству членовъ семинарскаго и училищнаго правленій. Тогда голосъ членовъ комитета не затеряется среди членовъ правленія, и комитетъ дѣйствительно можетъ вліять на ходъ воспитательнаго и экономическаго дѣла въ духовныхъ школахъ.

Благодаря постоянной дѣятельности наблюдательнаго комитета и ежегоднымъ сессіямъ епархіальныхъ сѣздовъ духовенства, наши духовныя школы не могутъ уже вести замкнутую жизнь, недоступную постороннему взору и свободную отъ освѣжающей критики. Тогда онѣ вступаютъ въ тѣсную связь съ самимъ обществомъ въ лицѣ его выборныхъ членовъ, и эта связь поставитъ школы на виду у всѣхъ. Школьное дѣло станетъ общимъ дѣломъ, создаемымъ усиліями не одного начальства и педагоговъ, но и всего заинтересованнаго общества. Это содѣйствіе общества духовной школѣ вмѣстѣ съ общественнымъ контролемъ ея несомнѣнно послужитъ могучимъ факторомъ ея процвѣтанія и во всякомъ случаѣ дастъ ей болѣе того, что можно ожидать отъ современныхъ чиновническихъ ревизій со стороны Центрального Управленія.